

тому, вертя въ рукахъ инспекторское посыланіе.

— Гдѣ ты пропадала, потаскуха? донесся вдругъ изъ кухни хриплый и грѣвный голосъ попадши:—ступай сейчасъ къ діаконѣи, попроси сѣзаканъ дрожжей: на завтра учинать булѣи, а опары нѣтъ ни капельки!...

— Чего орешь тамъ? Давай чаю, что ли! Слышишь—тебѣ говорятъ! сердился о. Гавріилъ.

— Ма-ма-а! Андросъ пилотъ мой вѣзжалъ: раздался изъ сѣбѣиной комнаты писавельный голосекъ мальчугана.

Но съ появленіемъ самовара всѣ успокоились и немного развеселились. Агнія, старшая дочь о. Гавріила, хорошенькая брюнетка лѣтъ восемнадцати, подала на тарелѣи вѣзку чорствыхъ булбунковъ, нализанныхъ на лыко, причомъ, взглянувъ на меня, покраснѣла. Она разливала и чай, такъ какъ матушка въ это время притовляла сѣбѣ, въ особомъ чайникѣ съ отбитымъ носомъ, липовый цвѣтъ отъ кашля.

За цѣлый вечеръ Агнія отнеслася ко мнѣ всего лишь съ одною фразою, предлагая молока къ чаю, причомъ опять сильно сконфузилась. Я хотѣлъ было завести съ нею болѣе сложный разговоръ, но при отцѣ, котораго она видима стѣндалась и боялась,—мнѣ показалось это неудобнымъ.

— Сейчасъ послѣ чая я удалюсь, хотя о. Гавріилъ и предлагалъ повременить немного, чтобы „пропустить по одной“, а матушка даже общалась жаритьи яичницу съ саломъ... Однако и устоялъ

